

Все экспериментально-философские фэнтези N построены по инвариантной схеме. На протяжении романа развивается владеющая героем сверхценная идея. Читатель внутренне спорит с ней, но по ходу сюжета она набирает силу, и читатель готов то ли поверить в нее, то ли объявить роман полным бредом, когда в последний момент автор вдруг отмежевывается от этой идеи и сваливает всю ответственность на одержимого ею героя.

Александр Жолковский

Так-то въяве и выглядит все это —
Язвы, струпья, лохмотья и камня,
Знак избранья, особая примета,
Страшный след твоего прикосновенья.
Так что лучше тебе меня не трогать,
Право, лучше тебе меня не трогать.

Дмитрий Быков

Глупец! Пойми — ты живешь и дышишь, пока я на тебя смотрю.
Ведь ты только потому и есть ты, что это я к тебе обращаюсь.

Абрам Терц. «Ты и я»

Писать про то, что есть, трудней, чем про то, что было или будет и чего никто не видел. Упрек в журнализме — самое легкое последствие. Но если не работать с реальностью, она такой и останется. Бóльшая часть романа придумана и написана в Артеке, в гостинице «Адалары», персоналу которой автор, пользуясь случаем, свидетельствует любовь и благодарность.

Дмитрий Быков

Часть первая

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИЧИН

1

Во Внукове сценариста Сергея Свиридова, вылетавшего в Крым на детский кинофестиваль с картиной «Маленькое чудо», задержали на границе.

Свиридов поздоровался с добродушной блондинистой пограничницей, протянул ей загранпаспорт (можно было лететь с российским, но Свиридову нравилось думать, что он представляет работу за границей) и приготовился ждать. Обычно процедура занимала не более минуты. Блондинка, однако, взгляделась в документ, сверилась с увесистым талмудом, потом с двумя списками в полиэтиленовых папках, потом куда-то позвонила и зачитала свиридовские данные. Свиридова испугало не это, а взгляд, которым она уперлась в него после этих процедур. Обычно в случае непредвиденной задержки — мало ли, фамилия совпала с подозрительной — пограницы смотрели виновато: свои люди, формальность. Теперь же на Свиридова смотрели с выражением, слишком ему знакомым по генетической памяти: «Будем признаваться или дальше обманывать органы?»

— Что-нибудь не так? — с отвратительной заискивающей интонацией спросил Свиридов.

— Вам всё скажут, — ответила пограничница, чье добродушие мигом испарилось. Свиридов хорошо знал, как это бывает. На таких должностях добрых не держат, да они и не пойдут.

— Но в чем дело? — все еще мирно спросил он. — Документ неправильный?

— Отойдите в сторону и ждите, — сказала она уже с раздражением. — Через пять минут перезвонят, и пройдете.

— А кто вам должен перезвонить?

— Не мешайте проходу! — прикрикнула она.

Свиридов шагнул в сторону, пропуская потную мамашу с вялым мальчиком лет трех. Беспомощно распяленный паспорт сценариста остался лежать перед пограничницей. Ясно было, что Свиридов уже никуда не денется, так и будет стоять в сторонке. Он был привязан за паспорт. Слава богу, он один летел от группы: издевательств не было бы конца. «А я всегда знал, что Серый неблагонадежен. У него в пузе наркотики, девушка, проверьте пузо!». Мимо прошел кинокритик Лосев, неприятный человек с энтевешным прошлым. Вел на старом НТВ информационную кинопрограмму «Куда пойти», над названием которой сам без усталости каламбурил. Тип был скользкий — из тех, что всегда ругают власть, но им ничего за это не бывает. После разгона он спокойно устроился на ТВЦ, но так и ходил в ореоле гонимого.

— Что, Сережа, — сказал он сочувственно, — за границу не пускают?

— Да вот, — не желая откровенничать, неопределенно ответил Свиридов.

— Девушка, вы его что, не знаете? — спросил Лосев пограничницу. — Благонадежнейший малый, сценарист сериала «Погибель Отечества». Не смотрели?

— Проходите, — нелюбезно сказала пограничница Лосеву, с силой проштамповывая его паспорт, пухлый от вклеенных

виз. Лосев не вылезал с международных фестивалей, эстет гребаный.

— Ну давай, — с тайным торжеством произнес Лосев, помахал Свиридову и прошел мимо.

Прошли еще двое, один задел Свиридова тяжелым чемоданом — конечно, теперь можно...

— Девушка, — робко напомнил о себе Свиридов, — у меня вылет через полчаса. Сейчас посадка закончится.

— Надо пораньше приходиться, — предсказуемо ответила пограничница, не глядя на него.

— Но могу я узнать, в чем дело?! — возмутился Свиридов.

— Всё скажут, — повторила она.

— Я что, вообще могу не вылететь?

— Можете, — спокойно ответила она. — Я здесь для того и сижу.

— Для чего?

— Для контроля. Отойдите с прохода, гражданин.

Вот как, уже и гражданин. Свиридов озлился. Страх начал вытесняться раздражением: в конце концов, он не знает за собой ничего такого. Почему он должен отвечать за idiotские сбои в их системе? Ульмана не могут поймать, а сценариста могут!

— Если у меня сорвется вылет на фестиваль, вы ответите лично, — пригрозил он. Пограничница не удостоила его ответом.

— Вы меня слышите? — спросил он.

Она сняла трубку и набрала трехзначный номер.

— Пятый? — сказала она. — У меня человек угрожает. Чего-то, говорит, отвечу. Да, бузит громко. Подойдите, объясните, кто чего ответит. А то он чего-то это. Да. Хорошо.

Она положила трубку и подняла на Свиридова торжествующий взгляд.

— Сейчас вам всё ответят, — сказала она. — Придет майор и всё ответит.

К Свиридову уже направлялся майор неизвестных войск в белой летней форме. Он выскочил, как черт из табакерки, из потайной двери под лестницей — из щели, в которую незаметно проваливаются неблагонадежные; за дверью мог быть обезьянник, камера пыток, что угодно.

— Этот? — сквозь стеклянную стену кабинки спросил он пограничницу, указывая на Свиридова и не достаивая его обращением. Толстуха радостно кивнула.

— Пройдите, — сказал майор, показывая на дверь.

— Но почему, собственно...

— Мне наряд вызвать? — скучно спросил майор. Свиридов понял, что шутки кончились. Он пожал плечами и пошел за майором в незаметную дверь.

Там не было ничего ужасного — служебное помещение, стул, стол, диванчик. О камере пыток напоминал только стандартный мутный графин с желтой, явно железного вкуса водой. Только такой и освежаются палачи — другая не восстанавливает палаческие силы.

— Присаживайтесь, — сказал майор, сам уселся за столик и вернулся к разгадыванию кроссворда в газете «Зятьёк».

— Могу я узнать, в чем моя проблема? — после минутной паузы спросил Свиридов. Вот-вот должны были объявить посадку.

Майор поднял на него белесые глаза и некоторое время смотрел молча, исподлобья, ожидая, что жертва не выдержит гипноза, устыдится, опустит очи долу и погрузится в раскаяние. Но Свиридов смотрел прямо, с вызовом, и майор вынужден был нарушить молчание.

— Вам объяснят.

— Кто объяснит?

— Касающиеся люди.

— Понимаете, я должен вылететь сегодня...

— Мы понимаем, что вы должны. Мы должны, и вы должны. Происходит проверка. По результатам проверки вы или

вылетите, или... — Майор сделал паузу, Свиридов замер. — Или не вылетите.

Свиридов и раньше догадывался, что эти люди имеют над его планами куда большую власть, чем он сам. Никакие перетряски и переименования не могли лишить эту службу, мгновенно опознаваемую по интонациям, даже толики прав. Майор продолжил штурм кроссворда. Минут через пять он снова поднял на Свиридова белесоватые глаза и спросил:

— Русский советский писатель, автор повести «Обмен». Восемь букв.

— Трифонов, — услужливо ответил Свиридов. Майор кивнул, словно вопрос был частью проверки. Странно, подумал Свиридов. Может, он дает мне понять, что не считает врагом? Станут они у врага спрашивать, кто автор повести «Обмен». Враг наверняка введет в заблуждение. Но, может, то, что я читал Трифонова, само по себе криминал? Может, это специальный чекистский тестовый кроссворд? Взрывчатое вещество из восьми букв, первая «Г». Гексоген. Пройдемте. Голова продолжала плодить сюжеты даже в теперешних мутных обстоятельствах. Из подозрительных людей тревожно-мнительного склада получают наилучшие сценаристы — они вечно озабочены сценариями воображаемых козней, которые против них плетутся.

Тут у майора на столе зазвонил телефон, и разгадывание тест-кроссворда прервалось надолго. Майор чертил на газете сложные зигзаги, слушал равнодушно, иногда кивал.

— Ага, — сказал он. — Добро. Ага. Нет, здесь. Спокойно. Да нет, непохоже. Хорошо. Понятно. Зеленый. Нет, вчера. С запада. Сорок семь. Четырнадцать. Ага. Добро. Ага.

Само собой, Свиридов прислушивался ко всем этим репликам с особым вниманием, надеясь уловить в них разгадку своей судьбы, но ни цвета, ни цифры, ни стороны света не имели к нему никакого отношения. «Ага, шпион с Запада, на вид

сорок семь, от страха зеленый, сумка весит четырнадцать, ага, везет добро, ага», — машинально реконструировал он, поражаясь собственному спокойствию. Ужас положения еще не дошел до него по-настоящему.

— Можете лететь, — лениво сказал майор, положив трубку, но все еще глядя на Свиридова, словно удерживая его взглядом. Вероятно, он ждал вопроса.

— А что это было? — спросил Свиридов.

— Плановая проверка, — сказал майор.

— По какой линии?

— По нашей, — с вызовом ответил майор. Видимо, теперь Свиридову можно было знать об этом.

— И что выяснилось?

— Что всё в порядке, — отводя глаза, сказал майор. Всё явно было не в порядке, и он хотел оставить в теле жертвы отравленную иглу. Загноившаяся жертва будет вкуснее.

— А конкретно? — настаивал Свиридов. Он знал, что такие ситуации надо выскребать, дочерпывать до конца, как выскребают рану: малейшая двусмысленность могла отравить все, дать корни, побеги, превратиться в целую историю с задержанием.

— А конкретнее, — с тем же вызовом ответил майор, — вы в списке. Поэтому подлежат дополнительной проверке.

— В каком списке? — не понял Свиридов.

— Это уж я вам не могу сказать. Это сверх полномочий. Идите, самолет улетит.

Свиридов встал, подхватил чемодан с ноутбуком и победил к будочке пограничницы. Его паспорт по-прежнему лежал перед ней, и она его уже штамповала.

— Ну? — сказала она с прежним добродушием. — И чего было буянить?

— Я не буянил, — сказал Свиридов. Здесь тоже было важно отмести ложные формулы, иначе где-то глубоко в его досье,

которое наверняка ведет какая-нибудь белоформенная инстанция, так и останется запись: буянил в аэропорту. А это подозрительно, особенно если буянил стрезва. — Вы, пожалуйста, слова выбирайте.

Пограничница молчала. Такие мелкие уколы ее не трогали. Она протянула ему проштампованный паспорт.

— А в каком я списке, можно узнать? — менее уверенно, чем хотелось бы, выговорил Свиридов.

— Вы опять, гражданин? — спросила пухлая уже грозно и взялась за телефонную трубку, но Свиридов не стал ждать второго появления майора и стремглав проскользнул на ничейную землю. До конца посадки оставалось четверть часа.

Как все нервные люди, он испытывал потребность немедленно поделиться своей странной бедой и выслушать утешение, но из знакомцев на фестиваль летел один Лосев, а с этим человеком Свиридов не склонен был делиться чем бы то ни было. На свое счастье, он обнаружил в хвосте ЯКа толстого оператора Горного, с которым познакомился еще во ВГИКе, но общался редко. Горный был человек медлительный, задумчивый, крепкий ремесленник, не более, но сейчас именно такой спокойный малый был нужен Свиридову, чтобы рядом с его непрошибаемым спокойствием прийти в себя.

— Ты представляешь, Горный, — сказал Свиридов, — меня чуть на границе не задержали.

Горный медленно повернулся к нему.

— А чего?

— Да говорят, я в каком-то списке. Ты не знаешь, что за список?

— На границе?

— Ну.

— А ты не попадал раньше? Вез там чего-нибудь...

— Да я на Украине не был с пятого класса, когда меня мать в Крым возила.